

М. Л. КОВШОВА
(Москва)

«РАСТИТЕЛЬНАЯ»
МЕТАФОРА
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ
(лингвокультурологический
аспект)¹

Лингвокультурологический взгляд на фразеологию основывается на том положении, что культура воплощает свое ценностное содержание в языке как наиболее универсальном средстве означивания мира; язык способствует сохранению и трансляции «общего запаса культурных ценностей» [Трубецкой 1995, 85].

В этой культурной функции языка особая роль принадлежит фразеологизмам — знакам, которые описывают происходящее в мире с помощью образов, вызывающих эмоционально-оценочную реакцию. Проводником в культурное пространство служит сам образ фразеологизма — он «будит» в сознании смыслы, ассоциации, установки культуры, и связь с этими культурными смыслами осуществляют компоненты фразеологических образов [Ковшова 2007].

Данное лингвокультурологическое исследование образов растений в русской фразеологии обращено к культурным истокам «растительной» метафоры, поиску тех или иных смыслов, которые были закреплены за различными растениями в процессе познания человеком мира и отразились в семантике фразеологизмов. С помощью «растительных» компонентов в образе фразеологизмов «выражаются те или иные идеи <...> отыскиваются мотивационные источники или наследники данных смыслов» [Березович 2007, 33].

Лингвокультурологический подход предполагает анализ того, как «растительные» компоненты с уже приобре-

тенными в культуре смыслами участвуют в создании фразеологических образов, как, иначе говоря, особые символические значения «надстраиваются над всеми прочими уровнями значения» [Толстой, Толстая 1993, 163—164].

Проведем лингвокультурологическое описание на примере отдельных фразеологизмов, разных по значению, однако образованных благодаря общей «растительной» метафоре. Исследуем единицы: *уши вянут*; *хоть трава не расти*; *дубина стоеросовая*; *дать дуба*.

1. Значение фразеологизма *уши вянут* — ‘пропадает желание слушать; становится неприятно, противно (говорится с неодобрением, обычно с тоном возмущения, негодования)’. Подразумевается, что сказанное оценивается как фальшь, хвастовство, пошлость, глупость и т. п.

Ср. иллюстрации: «— Ну, как же: покудова тебя не было, я тоже был против разных всяких слов. Вредных и непонятных! Которые и слушать-то невозможно! — Почему же невозможно?.. — *Уши вянут!*» (С. Залыгин, «Комиссия»). «Ты опять говоришь вздор! *Уши вянут* тебя слушать!» (Ю. Трифонов, «Другая жизнь»). «Вас послушать просто *уши вянут* <...> От вашей пошлости все женщины плачут, наверно!» (Ю. Бондарев, «Горячий снег»).

Компонент фразеологизма *уши* соотносится с соматическим, т. е. телесным, кодом культуры, *вянут* — с природным кодом.

Тесное переплетение этих кодов в образе фразеологизма не случайно; их соединяет древнейшая аналогия: ‘растение — человек’. В древности у германцев, славян и других племен существовали представления о духах деревьев, о священных рощах, о различных казнях для человека, сломавшего дерево в такой роще; известны антропоморфные по сути наименования духов растительности (*Майская госпожа*, *Зеленый Юрий* и др.). О различных древних и современных обрядах, связанных с этими представлениями, подробно пишет в своем исследова-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Универсальные и идиоэтнические стратегии продуцирования и интерпретации текста».

нии Дж. Дж. Фрээр. По мысли ученого, культ деревьев являлся древней формой религии: «Поклонение деревьям играло важную роль в Европе, в истории религии <...>. И это вполне естественно. Ведь на заре истории Европа была покрыта безбрежными первозданными лесами <...> Необходимо исследовать понятия, на которых основывается поклонение деревьям и растениям. Мир в целом представляется дикарю одушевленным; деревья и растения не составляют исключения из правила. Дикарь верит, что они обладают душами, подобными его собственной, и соответственно обращается с ними» [Фрээр 2003, 121—123].

Образ фразеологизма «ведет» в глубь сознания, к древнейшим мифологическим представлениям о слове как источнике жизни, сопоставимом с водой, светом, теплом: от доброго слова все мертвое оживает, а живое расцветает. В основе фразеологизма лежит архетипическая оппозиция «живое/мертвое»: она прочитывается благодаря «растительному» компоненту *вянуть*, имеющему смысл потери растением свежести, его засыхания, гибели. В религиозном тексте также с помощью растительных образов воплотился этот древнейший символический смысл; см., например: «Всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа...» (Книга пророка Исаии 40: 6, 7).

Само создание фразеологизма *уши вянут* обусловлено древнейшей формой осознания соматической части человека как целого; его образ создается синекдохой, т. е. отождествлением части и целого: *как лист на дереве вянет, так вянут уши у человека*. Тропеическим основанием внутренней формы фразеологизма также является двойная метонимия: *уши* (часть тела) уподоблены слуху (слушанию), который, в свою очередь, уподоблен чувству неприятия чего-л. Ср. более развернутый образ фразеологизма в его прямом источнике — в поговорках: *Такую (чушь) занес, уши вянут (лист на дереве вянет)* [Даль 1957, 411];

Так врет, что уши вянут; что в глазах зеленит [Там же, 205].

В целом, фразеологизм с «растительным» компонентом *уши вянут* является своеобразной мерой отрицательного отношения к чему-л., невозможности воспринимать что-л.

2. Фразеологизм [*хоть*] *трава не расти* имеет два значения. Первое — «безразлично, все равно (говорится с неодобрением)». Имеется в виду, что кому-л. не представляется важным то, что, по мнению говорящего, требует внимания, участия, вызывает переживание.

Ср. иллюстрации: «Какой он отец, Толик-то... Да ему иной раз *хоть трава не расти*. Сам как дитё» (А. Бологов, «Свои дети»); «Халтурщикам любые перемены, вносимые в текст, нипочем. Им *хоть трава не расти*, лишь бы гонорар заплатили» (Л. Чуковская, «Рабочий разговор»).

Фразеологизм возник из поговорки: *После меня хоть трава не расти! По мне, хоть и трава не расти!* [Даль 1957, 612].

Образ фразеологизма восходит к архетипическому противопоставлению «свой/чужой», а также, благодаря «растительному» компоненту, связан с противопоставлением «жизнь/смерть». См. в фольклоре: *После нас хоть волк траву ешь!* [Там же, 612].

Образ фразеологизма создается «растительной» метафорой. Безразличное отношение к происходящему уподоблено безразличному отношению к росту травы — образу, в который вложена семантика развития, продолжения чего-л. Ср. в фольклоре: *Как в поле трава растет, так бы твоё добро росло* [Даль 1957, 388].

Безразличное отношение, часто вызванное отсутствием личной заинтересованности, воспринимается на фоне культурных установок, выражающих осуждение такому отношению. См. в пословицах и поговорках: *Не всё для себя, ино место и для других; Самолюб никому не люб* [Там же, 618]; *Кому не горячо, тому и не болячо* [Там же, 612]. См. также иронические выражения: *Коли конь, да не мой — так волк его ешь!* 69

По мне, хоть его на сковороде изжарь [Там же, 612]; Что мне до других, был бы я сыт [Там же, 613] и др.

Итак, в первом значении фразеологизм *хоть трава не расти* выражает безразличное отношение к чужим проблемам.

Второе значение фразеологизма *хоть трава не расти* — ‘будь что будет, пусть всё пропадает (говорится с неодобрением, осуждением)’. Подразумевается, что кого-л. интересуется возможность легкого дохода от какого-л. дела, получение скорой выгоды. Такого человека абсолютно не беспокоит, не тревожит возможность последствий, наносящих какой-л. ущерб другим людям, особенно если не затрагивается сфера его личных интересов.

Ср. иллюстрации: «Ну, да, в колхозе-то неохота работать, — согласилась старушка. — Господи, господи, вот жизнь пошла. Лишь ба день урвать, а там *хоть трава не расти*» (В. Шукшин, «На кладбище»); «У большевикова голова болела не столько о благоденствии народном, сколько о том, чтобы упразднить частную собственность, а там *хоть трава не расти*, хоть вымри Россия до последнего человека!» (В. Пьецух, «Заколдованная страна»); «Адвокаты, заступники, заразы! Им бы только голы чтобы он забивал, а там *хоть трава не расти*. То, что он в тюрьму попадет при таком поведении — это чихать!» (А. и Г. Вайнеры, «Визит к минотавру»).

Фразеологизм говорит о преступности безразличного или бездумного отношения к происходящему или к тому, что может произойти в будущем. Образ фразеологизма предупреждает о нежелательных последствиях, к которым могут привести действия кого-л. См. поговорки, восходящие к представлениям о демонологической силе кого-л.: *Где ногой ступит — трава не растет, на что ни взглянет — все вянет* [Даль 1957, 132]; *Где волком проскачу, та и трава не будет расти* [Михельсон 1994, 382]. См. также русскую пословицу об утраченной невинности девушки как об утрате ее нравственной силы: *На*

прохожей (битой, торной) дороге трава не растет [Даль 1957, 748].

3. Следующий, взятый для лингвокультурологического описания, фразеологизм с «растительным» компонентом — *дубина стоеросовая* <дерево стоеросовое>. Его значение — ‘глупый, непонятливый (говорится с пренебрежением)’. Имеется в виду человек, неспособный осмыслить простейшую ситуацию; с ограниченными умственными способностями.

Ср. иллюстрации: «Лукашин был страшно зол. Хозяйка разбудила в восьмом часу. Пожалела. Эка *дубина стоеросова!*» (Ф. Абрамов, «Братья и сестры»); «Я на тебя, негодяй, десять рублей штрафа запишу! — орал мастер, топая ногами. — Ты для чего тут приставлен, *дубина стоеросовая?*» (В. Вересаев, «Ванька»); «Блохин внимательно выслушивал все эти наставления... Сам же думал: “Эх ты, *дубина стоеросовая*, дальше своего носа не видишь”» (А. Степанов, «Семья Звонаревых»); «Ты балда! — сказал вдруг Вертлюга сердито и громко... *Дерево стоеросовое!*» (А. Грин, «Наказание»).

Образ фразеологизма восходит к древнейшим, анимистическим, представлениям, т. е. одушевлению объектов, в данном случае растительного мира, и создается «растительной» метафорой, уподобляющей глупого человека дереву. См. в фольклоре: *И древа в том лесу стоеросовые, на них шишки простые, не кокосовые; Стоя растешь вдвое* [Айрапетян 2000, 95–97]. Сравнение *дурака* с растением лежит в основе многих поговорок; см., например: *Дураков не орут* [т. е. не пашут], *не жнут, а сами рождаются* [Даль 1957, 438]. Исследователи отмечают, что именно для описания глупости создается «множество вторичных (образных) номинаций, обнаруживающих круг значимых для номинатора (в данное время в данном пространстве и в данном социуме) реалий и явлений, отражающихся в метафорах. <...> Среди них такие коды, как зоологический, растительный, кулинарно-гастрономический, технический и др.» [Березович 2007, 138].

Сопоставление дурака с деревом лежит в основе многих языковых выражений с разной семантикой, так или иначе указывающих на ограниченные умственные способности человека. Ср.: *дубина, дуб дубом, дерево деревом, балда 'шишка, нарост на толстом конце палки', обалдеть, под балдой, бревно глупое, глуп как дерево, как надолба 'столбик у дороги', как пенёк, пенек горелый, пенек с ушами, чурка с глазами* и др. Ср. также в фольклоре: *Дурак, что мутовка — куда выросла рогуля, туда и торчит* [Даль 1957, 436]; *С дуру, что с дубу* [Там же, 437]; *Голова не колышек: не шапку на нее вешать* [Там же, 435]; *С осину вырос, а ума не вынес* [Там же].

Непонимание глупым человеком происходящего, неумение осознать простейшую ситуацию осмысливается в русской культуре как его инаковость, которая выражается в образах «деревянного» или другого материала, из которого такой человек «сделан». См. выражения: *башка из табачного горшка, голова садовая, баранья голова, соломенная <мякинная> голова* и другие.

Согласно стереотипному представлению о глупом человеке, его характерными признаками являются зрелый возраст, большой рост и небольшой интеллект, т. е. физическая развитость (переразвитость) и умственная недоразвитость. См. в фольклоре: *Ростом с тебя, а умом с теля* [Даль 1957, 438]; *Голова как у вола, а все кажется мала* [Там же]; *Борода выросла, а ума не вынесла* [Там же, 435]; *С лешего (С черта) вырос, а ума-то не вынес* [Там же]; *Ростом с Ивана, а умом с болвана* [Там же]; *Нос с локоть, а ума с ноготь* [Там же] и т. д.

Образ фразеологизма *дубина стоеросовая* <дерево стоеросовое> в целом выступает в роли символа предельной непонятливости, умственной ограниченности, глупости, тупости.

4. Последний фразеологизм, рассматривающийся в данном исследовании, — *дать дуба*. Его значение — «умереть».

Ср. иллюстрации: «Но самые могучие когда помирают, железнодорожные

кондуктора или из начальства кто, то считается, что *дуба дают*» (И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев»); «— Ой, какая грязная рана!.. Кто это вас?.. — Ой, пала [пала вульг. 'подлец']! — взвыл Венька. — *Дуба даст...*» (В. Астафьев, «Печальный детектив»); «Заяц прислонился к березе и *дал дуба*» (А. Иванов, «Красная Пашечка»). «...В Летнем саду выступал какой-то силач, который ложился под машину. Я посмотрел, а потом пошел к директору и спрашиваю: "Сколько вы мне дадите, если я тоже лягу?" Он говорит: "А если ты *дуба дашь*, кто тогда отвечать будет?"» (В. Каверин, «Открытая книга»); «Нет, я-то ведь тоже чуть *дуба не дал!* — вспомнил Колька... — Туда ехал, у меня заглохло. Я с час, наверное, возился... Руки поморозил... Я же вполне мог *дуба дать!*» (В. Шукшин, «Начальник»).

Образ данного фразеологизма с «растительным» компонентом так же, как было и с предыдущими фразеологизмами, восходит к мифологическим, анимистическим представлениям, т. е. одушевлению объектов растительного мира. Образ фразеологизма создается «растительной» метафорой, уподобляющей человека дереву, причем дереву поваленному, неживому. В основе создания фразеологизма лежит модель «дать + что-л.», что в сочетании с существительным выражает действие по значению данного существительного, например: *дать драпа, дать деру, дать промашку, дать головомойку, дать выход* и др. В данном образе *дать дуба* значит стать дубом, перейти из человеческого состояния в состояние растения, т. е. измениться, превратившись в *иное*.

Ассоциативный фон, на котором воспринимается образ фразеологизма, включает в себя представление об умершем как о поваленном, срубленном дереве, а также представление о дереве как о материале, из которого изготавливают гроб. См. сходные образы в пословицах и поговорках: *И велика лесина, да обухом перебили* [Даль 1957, 399]; *Скрипучее дерево скрипит, да стоит, а здоровое летит да лежит* [Там

же]; *Дуплястое дерево стоит, а крепкое валится* [Там же]; *Домок в шесть досок* [Там же, 284]; *Деревянный тулуп* [Там же]. См. также загадку: *Ни пышет, ни дышит, в сухом дереве лежит (покойник)* [Там же, 322]. Кроме того, фразеологизм ассоциативно связан с выражением *задубеть* 'совершенно замерзнуть'.

Фразеологизм *дать дуба* в целом передает стереотипное представление о преждевременной смерти физически крепкого, сильного человека.

Подведем итоги. Значимость растительного кода культуры обусловлена уходящей в глубь истории огромной культурной ролью растений в жизнедеятельности человека, в его развитии. В ходе познания мира растения были награждены тем или иным символическим смыслом, с ними оказались связаны обрядовые, семейные, игровые и другие культурные практики.

Все рассмотренные в данной статье фразеологизмы, в основе создания которых лежит «растительная» метафора, имеют разное языковое значение и столь же разнообразную дополнительную, культурную, семантику согласно тем или иным культурным идеям, которыми оказались «награждены» в процессе их освоения человеком различные растительные реалии. Это восходящая к мифологическому сознанию анимизация растительного мира, позволяющая уподоблять человека растению; это символизация в образах растений идеей роста и развития, ума и глупости, жизни и смерти и др. Названные культурные идеи, дополняя и усиливая восприятие единиц с тем или иным значением, получили свое воплощение в русской фразеологии. «Растительная» метафора самим своим появлением «обязана» такой древнейшей форме осознания мира, как анимизм, или одушевление; ср. фразеологизмы с различной семантикой: *тепличное растение; божий одуванчик; дуб дубом; до корней волос; молодо-зелено; хуже горькой редьки* и многих других.

Наряду с уподоблением человека растению, в образах русских фразеологизмов с «растительной» метафорой

символизованы восходящие к архетипическим оппозициям культурные идеи: ума и глупости, здоровья, силы, красоты и немощи, сытости и голода и т. д. Ср.: *голова садовая; голова мякинная; как огурчик; как маков цвет; как роза; как цветок; как ягодка; как репка; маковой росинки во рту не было* и т. д. (см. подробнее [Ковшова 2004]).

Исследование показало, что фразеологизмы не только сообщают о происходящем в действительности, но и транслируют культурные идеи. «Растительная» метафора фразеологизмов воспринимается в соединении с теми или иными культурными идеями, что и создает дополнительную, культурную, семантику фразеологизмов, которая «вплетается» в собственно языковую семантику, составляя ее важную смысловую часть.

Литература

Айрапетян 2000 — Айрапетян В. Стоеросовый // Айрапетян В. Русские толкования. М., 2000. С. 95—103.

Березович 2007 — Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М., 2007.

Даль 1957 — Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

Ковшова 2004 — Ковшова М. Л. Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: внешние качества и внутренние свойства человека // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 613—620.

Ковшова 2007 — Ковшова М. Л. О репрезентации культурных смыслов во фразеологии // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. М., 2007. С. 224—232.

Михельсон 1994 — Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. М., 1994. Т. 2.

Толстой, Толстая 1993 — Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vessel-) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 162—186.

Трубецкой 1995 — Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Фрэзер 2003 — Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2003.